

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

20 лет в анархии

Лора Акай

Лора Акай
20 лет в анархии
1997

Скопированно 19 ноября 2014 года с
levak-records.narod.ru/akai.html
НАПЕРЕКОР №6, лето 1997 г.

ru.theanarchistlibrary.org

1997

американским индейцам, борющимся против государства (один мой друг, поставлявший индейцам оружие, получил за это 25 лет тюрьмы), в студенческих беспорядках, в акциях прямого действия против военкоматов и т.д. Но важно не только делать акции, но и делать гражданские проекты типа "Food Not Bombs" (кухни для бездомных) или переработки мусора. Анархисты должны показать всем, что они могут не только бунтовать, но и хорошо работать вместе и делать что-то полезное.

БУДУЩЕЕ АНАРХИЗМА

Чёрт его знает, что со мной случится в будущем. Я, конечно, не собираюсь становиться нормальным обывателем, но что меня ждёт? Будет ли революция? Будет ли у меня когда-нибудь возможность жить без ограничительных рамок Системы? Мне кажется, что международный капитал уже установил в мире такой порядок, что у людей сейчас есть только две возможности: объявить Системе тотальную войну, или задохнуться под её тяжестью. Хрен его знает, как оно всё обернётся, но остаётся надеяться на то, что большинство людей всё-таки хочет жить достойно и будет сопротивляться (хотя, в России, увы, народ слишком терпеливый). Порой кажется, что движения уже нет, но каждый раз появляется что-нибудь новое и, всё-таки, надежда живёт и не умирает.

дозвонится до наших друзей, а также до СМИ, и вызвать и тех, и других на место происшествия. Короче говоря, менты ретировались и ещё несколько дней мы жили в парке совершенно спокойно.

Иногда бывает так, что люди просто взрываются, - в таких случаях обычно говорят о бунте. Бунты бывают разные, сама я участвовала в одном или двух, о которых я вообще предпочитаю не вспоминать. Впрочем, бунтами иногда называют и сравнительно небольшие локальные столкновения. Например, однажды я была в панковском клубе, когда его атаковали скины, столкновения там потом продолжались две недели. Помню также события в Окленде (в Калифорнии), это была настоящая народная экспроприация. Началось с того, что во всём городе отключили свет. Жители вышли на улицы и стали друг друга спрашивать, что же делать. Кто-то предложил идти в магазины и брать там свечи, и вдруг обнаружилось, что сигнализация не работает, а менты заняты разными делами и мало что могут сделать. Начали грабить магазины, причём в этом участвовали все, за исключением, разве что, верующих христиан (которые даже секс не любят) и сталинистов (которые предпочитают исключительно садомазохистские половые отношения). Вообще-то экс-сталинисты любят тоже, но чисто теоретически, так как боятся последствий. Но когда начинается настоящий народный экс, его уже не остановить.

Не стоит объяснять, насколько важна для участников анархистских акций массовая поддержка. Американские анархисты активно участвовали в антиядерных кампаниях, в рамках которых они сотрудничали с гражданскими инициативами, с различными левыми группами. Так, в результате массовых протестов населения удалось предотвратить пуск АЭС в районе Нью-Йорка. Участвовали они и в других кампаниях, например, оказывали поддержку

Оглавление

ЧУДЕСНЫЕ ГОДЫ	5
ЖИЗНЬ НА ДОРОГЕ	8
СКВОТТЕРСТВО	14
АКЦИИ	19
БУДУЩЕЕ АНАРХИЗМА	23

Но можно спорить о том, насколько хороша такая тактика. Менты, например, легко могли окружить мост с обеих сторон, и тогда демонстрантам пришлось бы несладко. Да, конечно, массовые акции в подобных местах отрицательно влияют на бизнес и, следовательно, весьма чувствительны для него, но, с другой стороны, перегораживать улицы - значит, мешать обычным людям (а не только богачам) проехать к себе на службу или домой. Здесь важно, что в таких акциях множество людей приобретает реальный, живой опыт противостояния полиции и государству. Лично я против проведения радикальных акций, если нет никаких шансов против полиции и все участники заведомо будут арестованы. Можно, конечно, избежать ареста, да ещё и повеселиться вдоволь, но для этого требуется серьёзная подготовка и развитое воображение. Много раз на моей памяти удавалось уйти от ментов, потому что мы знали, по каким улицам лучше бежать, знали дворы, подъезды. Или знали, в какой момент надо разбежаться, чтобы, по крайней мере, свинтили не всех. Можно обмануть ментов, например - "потерять сознание". Хорошим примером того, как ментов оставили в дураках можно считать оккупацию Тамкинс Сквер Парк в Нью-Йорке, в которой мне довелось участвовать. Мы поставили там избы и шалаши и стали в них жить. Всё это удовольствие продолжалось несколько дней. Из полицейских заграждений сложили костры, вокруг которых устроили какие-то дикие танцы и ментов это достало. Вызвали ОМОН и мы стали кричать: "Бунт! Бунт! БУНТ!" Из окрестных домов выбежало множество людей, и они сразу же присоединились к нам (показатель того, что именно такие бунтарские акции наиболее эффективны, в то время как большинство наших акций, не встречающих такой поддержки - недостаточно радикальны). Менты попытались отыскать зачинщиков, но толпа была густой и сделать это оказалось непросто. В это время мы сумели

в том, как и для чего всё делается). Одно дело, если акция способна привлечь внимание общественности к той или иной проблеме, если она вдохновляет самих участников на продолжение борьбы, другое дело, когда с самого начала всем ясно, что ничего такого не будет, и цель ставится только одна: продемонстрировать свою крутость и благополучно свинтиться. Хуже всего, когда люди приходят на акцию только потому, что считают себя обязанными это сделать - зрелище получается исключительно нудное. Всегда анархисты проводят какие-то акции: против разных фирм, политиков, религиозных фанатиков, ультраправых и новоправых выродков. Самое главное, чтобы среди участников акции были хорошие отношения: неформальное братство важнее формальной структуры, а всех тех, кто мнит себя лидерами, надо вовремя и не стесняясь посылать на хуй. Лидеры всегда выёбываются. Надо от них избавляться - и тем хуже для тех, кто в них (лидерах) нуждается.

Одной из самых первых моих акций была студенческая забастовка (не знаю, как ещё её назвать, вообще-то там были школьники, но в русском языке нет подходящих для этого случая слов; школьная забастовка?). Всё получилось совершенно спонтанно. Несколько человек из разных школ решили протестовать против сокращений бюджетных ассигнований и написали листовки, которые на следующий день распространили в нескольких школах. Ещё через день все до одного учащиеся этих школ высыпали на улицу, там были тысячи людей, и в разных районах Нью-Йорка возникли пробки на дорогах. Когда все протестующие собрались на Уолл-Стрит, они представляли собой грозную силу, прежде всего потому, что были настроены весьма радикально. Мы разбивали полицейские машины, в ходе акции был заблокирован Бруклинский мост (много лет спустя то же самое сделали активисты негритянских организаций).

В этом году (1997) я праздную годовщину: 20 лет назад я узнала, что такое анархизм, и решила, что это слово мне нравится. С того времени у меня были и периоды интенсивной деятельности, и периоды политической изоляции, я принимала участие в деятельности различных политических групп, участвовала в самых разнообразных проектах (иногда успешных, а иногда провальных), сотрудничала со множеством радикальных изданий, большинство которых выходили 2-3 года, а некоторые существуют и сейчас, познакомилась со множеством людей, некоторые из которых навсегда стали моими друзьями. Мои личные опыты, связанные с политикой, были иногда смешными, иногда грустными, порой странными, и вот я решила написать для "Наперекора" нечто вроде личной политической биографии. В результате получились эти заметки - не то чтобы биография, но, по крайней мере, отрывки из неё.

ЧУДЕСНЫЕ ГОДЫ

Иногда люди спрашивают, как я стала анархисткой. Но, на самом деле, все дети рождаются анархистами - это уже потом их учат послушанию. Многие молодые бунтуют, но не все понимают, почему. Я как-то поняла. В дни моего детства и юности жизнь в США была очень политизирована, повсюду можно было услышать либеральные и даже радикальные речи. Я ездила в Вудсток и для меня нормально было видеть секс, наркотики и рок-н-ролл. Мне было весело. Но в церкви пугали адом, куда, по мнению священников, должны были попасть все хипари, так что по ночам меня мучили кошмары о моих братьях и сёстрах в аду. Это прекратилось, когда я поняла, что священники так же, как и родители, отчасти - садисты, а отчасти - сумасшедшие. А в это время по телевизору показывали вьетнамскую войну,

я смотрела телевизор и не могла понять, как же люди могут так поступать. Это было время феминизма и "чёрной власти" (т.е. движений чернокожих за свои права). Поскольку я играла в баскетбол лучше всех мальчиков, я быстро поняла, что половая сегрегация и связанные с ней стереотипы - дерьмо.

Мама одевала меня в белое платье, и я играла в грязи. Тогда многие говорили о феминизме, и я была согласна с ними, хотя бы я и воспринимала феминистские идеи несколько примитивно. Насчёт "чёрной власти" - мои друзья были чернокожими, и они мне нравились. Часто мне намекали (или даже прямо говорили, как, например, мои родители), что с чёрными дружить не стоит из-за их расы, и меня это возмущало. Очень рано я поняла, что такое расизм, страдала из-за него также как и мои друзья. Ведь если правда в том, что все мы равны (об этом постоянно говорят в Америке), почему же я слышала то, что слышала? Я наблюдала мир вокруг себя и осознавала его лицемерие. Среди детей, которых я знала, были и те, кто постоянно лгал, но как раз им учителя и родители доверяли. Если между нами возникали ссоры, они говорили что-нибудь вроде: "А Лора украла мой карандаш!" - и хотя это было неправдой, им всегда верили, а меня всегда наказывали. Я поняла, что нет правды на Земле, а вот Никсон у нас президент, он достиг своего положения, потому что лгал лучше других. Когда по телевизору показывали Уотергейт, стало ясно, что он лжец, и даже не просто лжец, а из тех, кто может клясться перед всеми, что я, мол, не вор, тогда как весь мир знает о его махинациях. "Ах, Никсон", - думала я - "А ведь есть на Земле люди, которые будут бороться против тебя".

Да, действительно, мне нравился феминизм, коммуны свободной любви, "Чёрные Пантеры", и я ненавидела учителей, священников, родителей, политиков, детей-

соседями были плохими. В особенности это относится к Филадельфии - "городу братской любви", где анархистское присутствие в отдельных местах было весьма ощутимым и продолжительным. Главное, познакомиться с соседями, установить с ними прочные дружеские связи. В одном районе Нью-Йорка, где жила я, нас даже любили, потому что мы обеспечивали жителей услугами, которыми муниципалитет их обеспечить не мог. Однажды мы устроили субботник и отчистили местный парк, где впоследствии устраивали музыкальные концерты (никто не станет жаловаться на панковскую музыку, если предварительно вы очистите парк). Поддержка соседей возникла спонтанно, когда мы расчищали местную свалку (мы хотели там устроить детскую площадку). Люди приходили и спрашивали, чем они могут помочь, собирали деньги, покупали стройматериалы. А когда дело было сделано, мы по-настоящему подружались с ними. Нам помогали с продуктами питания, владелицы лавок открыли для нас кредит, предоставляли скидки, а когда у нас возникали проблемы с ментами, все жители сбегались и прогоняли ментов. Может, они и не стали анархистами, но жизнь в районе явно изменилась к лучшему.

АКЦИИ

Если вы хотите провести акцию, то здесь, само собой разумеется, существует великое множество возможностей. Это может быть терракт, массовая демонстрация протеста, оранжевая акция, акт саботажа. Обычно в движении долго обсуждают, стоит ли делать какие-то акции и иногда, к сожалению, это кончается тем, что акция сводится к чисто символической конфронтации и не даёт никаких результатов (я, разумеется, не против конфронтации, весь вопрос

веряют людям участники альтернативных проектов, тем лучше люди себя ведут (хотя, конечно, случаются и инциденты).

Как реагировали на происходящее наши соседи? Но дело в том, что все описанные выше события происходили в богемных районах. Кроме того, там жили бедные иммигранты и яппи. Эти последние всегда были большой проблемой для участников альтернативного движения. Дело обстоит следующим образом: стоит только андеграундным элементам обосноваться в каком-нибудь месте, как туда слетаются, как мухи на мёд, буржуазные художники, привлечённые необычной атмосферой и культурными экспериментами, а следом за ними проклятые яппи, ведь они так хотят быть модными! В свою очередь, домовладельцы, понимая, что теперь район стал богаче, повышают квартплату и стремятся очистить его от радикалов. Впрочем, некоторые домовладельцы были либералами и не возражали против нашей деятельности, кое-кому даже нравилась бурная жизнь. Другие жаловались на бездомных, им было неприятно видеть этих жертв "капиталистического гуманизма", куда как приятнее смотреть дома "Династию". Там, где мы делали проект "Ла Плаца", был местный совет, куда входили и радикалы, но большинство составляли обыватели, ими манипулировал местный торговец недвижимостью, который стремился превратить район в миленькое уютное буржуазное гнёздышко, предварительно выжив оттуда всех тех, кто не вписывался в его представления об американском образе жизни. Порой ситуация вокруг сквотов была близка к гражданской войне. Любопытно, что среди тех, кто оказывал поддержку сквоттерам, были некоторые церковники, оценивавшие наши действия как богоугодные (кстати, одним из наиболее активных инициаторов сквотирования в Нью-Йорке был бывший священник - поп-расстрига), и конечно, не всегда наши отношения с

сикофантов, словом - всех лжецов вокруг меня, делавших мир таким несправедливым, всех тех, кто лгал, наказывал, угрожал, контролировал. Можно сказать, что я постепенно стала анархисткой, но тогда я ещё этого не знала. Неизгладимое впечатление произвели на меня экономические реалии. Мы не были богатыми, а некоторые из моих друзей были бедными, настолько, что могли обедать лишь в бесплатных школьных столовых. Нам часто говорили, что в Америке, если человек хорошо работает, то он будет хорошо жить. Но я видела, что это не так. Мои чернокожие друзья бедствовали, и я видела, что это связано с их цветом кожи - на них смотрят, как на людей второго сорта и им (или их родителям) очень трудно найти хорошую работу. Потом я поняла, что дело не только в этом, мои родители были белыми, очень много работали и жили совсем не богато, в то же время я видела богатых сук, которые не делали ничего, только весь день пили чай и носили бриллианты. Что-то было не так. В конце концов, я начала читать о коммунизме, и думала, что я коммунистка. Потом я узнала об анархизме и поняла, что эта философия мне больше подходит, но все-таки чувствовала себя коммунисткой. Я называла себя коммунистом-анархистом, и мне было интересно, есть ли ещё такие люди, как я. Начало 70-х годов было временем общественного активизма и даже дети могли участвовать в различных социальных движениях. Среди моих учителей были либералы-шестидесятники, которые учили нас самоорганизовываться. Были скауты и другие молодёжные организации. Печатали журналы и инфолистовки. Конечно, меня прежде всего интересовали очень специфические проблемы. Одной из моих первых политических акций было участие в борьбе за право девушек играть вместе с мальчиками в американский футбол. В качестве прямого действия, мы больно побили

мальчиков из футбольной команды. Нас наказали, но потом разрешили играть в общей команде. Несколько позже я стала панком. Когда я увидела глупых панков со свастиками, написала и расклеила листовки против расизма, и тогда же я познакомилась с первым в своей жизни анархистом...

ЖИЗНЬ НА ДОРОГЕ

Иногда родители просто ничего не понимают. Что до моих родителей, то они были озабочены моими "психическими проблемами". Мне совершенно не хотелось жить обыкновенной жизнью, делать карьеру, думать об одежде, смотреть телевизор, скучать до смерти. Поэтому родители решили, что мне нужно быть под постоянным присмотром "компетентных" людей, т.е. лечь в психушку. Такое идиотство встречается у нас довольно часто, и мне не оставалось ничего другого кроме как стать, подобно многим, - "ребёнком улицы". Как жили мы на улице? Ну, все по-разному, это ведь, в первую очередь, зависит от тусовки. Лично у меня было множество друзей из богемы - художников, музыкантов и т.п., так что всегда было, где вписываться. Но, с другой стороны, вписываться не всегда интересно, поэтому мы часто ночевали под открытым небом, например в парке. Как-то раз меня пригласил один знакомый жить с ним под одной крышей и, соответственно, платить половину аренды. Я согласилась, но только после того как услышала, что в этом доме - арендная забастовка. Что за забастовка? А это когда жильцы недовольны действиями хозяев (например - если хозяева повышают квартплату) и отказываются платить аренду. Там, где я поселилась, такая забастовка длилась несколько месяцев, и всё это время я жила в роскошной квартире совершенно бесплатно. После

дуктами по магазинам, где мы брали в основном старые фрукты и овощи. Конечно, мы их не покупали. В США и Канаде нельзя продавать такие чумазы помидоры (и прочие продукты), как в России, в магазинах нам их отдавали за даром, так что можно было жить на отбросах буржуазного общества. Были места, где торговцы нам симпатизировали и одаривали свежими продуктами, кое-что приносили и местные жители (в том числе даже служители церкви) и иногда мы закатывали настоящие пиры. При этом мы постоянно старались произвести друг на друга впечатление различными кулинарными открытиями и умением приготовить кое-что из ничего, были и дни экспериментальной кухни (это происходило каждый раз, когда у нас оказывались странные сочетания ингредиентов, например, только бобы и ореховое масло). Мы гордились нашей кухней и скоро там можно было питаться как в ресторане. Постепенно эта кухня стала настоящим тусовочным центром, мы стремились политизировать бедняков, объясняли им принципы самоорганизации и взаимопомощи, мы хотели, чтобы они гордились собой, а не убивали себя наркотиками и алкоголем. Однако, в конце концов, как я уже сказала, полиция закрыла "Ла Плаца". Но люди продолжили начатое дело, в сквороте на 13-ой улице. Там были устроены жилые помещения, комната для музыкальных выступлений и репетиций, и кухня, которая разместилась на первом этаже. Как и прежде, было много продуктов, и в столовой могли кушать все, кто хотел. Люди приходили и уходили, те, кто мог, оставляли продукты или деньги (для денег была специальная чашка, стоявшая у всех на виду). Могут спросить - как же так, деньги валялись у всех на виду, а ведь к вам мог прийти кто угодно? Ни для кого не секрет, что капиталистическое общество (равно как и "реальный социализм") воспитывает людей в духе эгоизма и взаимного недоверия. Но мой личный опыт говорит о том, что чем больше до-

мов собираются на коммунальный совет, где и решают разные вопросы, связанные со своим бытом. На практике, однако, часто случается так, что для подобных объединений жильцов присутствие радикалов в районе является проблемой, и жильцы, пытаясь эту проблему решить, обращаются в полицию. Конечно, анархисты бывают разные, есть более домашние, есть и совсем дикие. Обычно это - кучка странных, свободолюбивых бандитов, способная быстро превратить любой дом в довольно-таки весёлое место. Естественно, менты достаточно часто наведываются в такие места, и естественно, что подобные вещи действуют на нервы соседям, будь то буржуазный или рабочий район. Наибольшую терпимость к анархистам проявляют обитатели богемных гетто, поэтому многие анархисты стремятся жить именно в богемных районах. Мне лично кажется, что у коммунальных проектов (необязательно сквоттерских) наилучшие перспективы или в богемных районах, или там, где живут люди, отчуждённые от системы - бедные рабочие или иммигранты. Если дела идут удачно, то коммунарам удаётся организовать продовольственные кооперативы, где люди работают добровольно и продают продукты без расчёта на прибыль, а также различные альтернативные проекты: библиотеки, театры, кафе, бесплатные кухни для бедных и бездомных. О последнем следует поговорить особо, в США многие анархисты участвуют в подобных проектах. Я сама участвовала в двух - в Сан-Франциско и в Нью-Йорке.

Как всё делалось? Однажды мы присмотрели пустующее помещение и захватили его. Там был небольшой дворик, где посадили какие-то растения и назвали это место "Ла Плаца Культура" (потом, правда, менты его разрушили). Мы организовали там же и альтернативную кухню, местные жители дали нам посуду: тарелки, вилки, ножи. Каждый день дежурные по кухне отправлялись в поход за про-

этого мы с друзьями хотели устроить сквот, но нас тогда, к сожалению, было не много. Всё неудачно получилось. И вот пошла жизнь в автобусе. Не знаю, чей это был автобус. У нас имелись на него документы, но никто не знал владельца. Думаю, это был какой-нибудь старый хипарь, который просто оставил его нам... чёрт его знает! Мы жили в этом бесхозном автобусе и катались на нём по всему городу. Там было несколько матрасов (мы нашли их в мусоре), наши личные вещи, не менее тонны разной политической литературы, которую мы продавали на улицах, и несколько бейсбольных бит, предназначенных для самозащиты. Мы могли парковаться на определённых улицах в определённое время, например, после полудня нас можно было найти на 6-ой авеню, где мы обычно продавали литературу. К 5-ти или 6-ти надо было парковаться уже в другом месте. Те, кто знал наше расписание, легко могли нас найти, и потому в гостях недостатка не было. После 21 часа мы парковались возле ресторана "Киев". Даже и сейчас, 15 лет спустя, в этом месте продают радикальную литературу, но мало кто знает, что мы были первыми, кто начал это там делать.

Я не только продавала книги, но и зарабатывала на жизнь, делая серьги и разную прочую бижутерию. С 60-х годов был маленький богемный уличный рынок недалеко от Третьей авеню, но когда в начале 80-х началась джентрификация района (т.е. реконструкция в интересах яппи), владельцы лавок договорились с полицией, и последняя начала "зачистку", стала выгонять уличных торговцев. Мы сопротивлялись. Многие тогда получили штрафы на тысячи долларов, а однажды полиция захватила наш автобус и конфисковала товары. Мы обратились в суд. Радикальные адвокаты (да, есть и такие) нам помогли, и, хотя не удалось легализовать всю уличную торговлю, суд постановил, что полиция не может запретить продажу

книг на улицах, так как это право включено в первую поправку к конституции. Сейчас в Нью-Йорке многие безработные торгуют книгами, поскольку это единственное, что можно продавать на улицах без специального разрешения. Иногда у нас были столкновения. Например, с людьми из группы "Женщины против порнографии" (они почему-то всегда ставили свой лоток рядом с нашим).

Возникали проблемы и с обывателями. И не только за пределами нашего богемно-радикального гетто. Им, обывателям, не нравился старый жёлтый автобус с надписью "FUCK REAGAN" (Ёб Рейгана). Как я уже сказала, по ночам мы парковались возле ресторана "Киев". Это был странный район. Кроме панков, там ещё жили старые украинские реакционеры, в прошлом несомненно связанные с какими-то националистическими организациями. Нас они не любили, потому что когда в районе массами начали селиться панки, жизнь там сделалась совершенно невозможной. Как-то раз у нас был доклад о Махно, туда пришли старики-украинцы, и они хвастались тем, что в своё время убили множество анархистов. А однажды в 4 часа утра мы спали в автобусе, как вдруг были разбужены страшным грохотом. Это был украинский "авангард" (впрочем, сами они вряд ли знали слово "авангард"). Они молотили по автобусу бейсбольными битами. Захватив наши собственные биты, мы выскочили наружу (даже в Америке эти украинцы остались сексистами: несмотря ни на что, никто из них не хотел драться со мной). Стали разговаривать. "Почему у вас написано "Ёб Рейгана"? Вы что, коммунисты? Поезжайте жить в Россию!" (типичный совет радикалам вплоть до начала 90-х). Оказалось, что им даже не то чтобы нравится политика Рейгана, просто они ненавидят СССР. А Рейгана они любят за то, что он тоже СССР ненавидит. Мы им объяснили, что не разделяем их любви к Рейгану, но вот к советскому государственному строю и КПСС

стями. Вообще говоря, полиция стремилась, прежде всего, вычистить политизированные сквоты. Лично у меня было несколько опытов с оккупацией зданий. В одном из них человек, владевший лавкой неподалёку (опять-таки, украинский реакционер) атаковал моего друга с железной палкой. Потом, в другом сквоте, нас всех арестовала полиция, потому что кто-то убил мента неподалёку.

В ещё другом сквоте, где я некоторое время жила, лестницы до такой степени прогнили, что проваливались под ногами. Сквоты могли быть в очень плохом состоянии, здания в центре городов обычно требовали капитального ремонта - иногда не было даже крыши, были проблемы с водой и электричеством. Сквоттеры старались их отремонтировать подешевле. На стройках можно было воровать стройматериалы, мебель брали на помойке (не нужно думать, что это была плохая мебель - богатые часто выбрасывают на помойку хорошие вещи). Один из самых интересных сквотов, где я жила, был организован в бывшей пивоварне. Жили мы там в гигантских чанах из-под пива. Этот сквот процветал, главным образом, за счёт туризма, потому что было очень много глупых яппи, желавших посмотреть на столь необычный для американцев образ жизни, а мы брали с них втридорога за просмотр. Жить там было интересно, большую часть жильцов составляли музыканты - любители панк-рока и почти всё время шли репетиции. Душ, правда, был всего один, на три этажа, поэтому некоторые жили грязно, а некоторые... ну, словом, без всяких глупых комплексов. С другой стороны, в США вообще проблемы с водой, воду надо экономить, так что с экологической точки зрения мы жили правильно.

Один из наиболее тяжёлых вопросов для анархистов, участвующих в коммунарских и сквоттерских проектах, это вопрос о взаимоотношениях с соседями. Существуют буканинские фантазии о том, как жители соседних до-

СКВОТТЕРСТВО

Во второй половине 70-х годов создались условия, благоприятные для сквоттерства. В это время американское правительство проводило политику, в результате которой в крупных городах оказалось множество пустующих зданий. Способствуя удорожанию жилья, правительство стремилось очистить города от бедняков, препятствуя, таким образом, возникновению "зон нищеты", могущих стать центрами сопротивления. Но всё же сквоттерское движение возникло не сразу, потому что очень тяжело было создавать сквоты, особенно, если они были политизированными. Попытки реализовать подобные проекты обычно наталкивались на сильное сопротивление властей и вызывали репрессии. (В этой связи можно вспомнить нападения полиции на сквот движения "MOVE" в 1979 и 1983 годах, в результате чего погибли люди). Успех или неудача зависели от многих факторов, таких, например, как решимость самих сквоттеров, их готовность к сопротивлению, поддержка сквота со стороны, позиция местных властей. Иногда более успешными, чем другие, оказывались захваты зданий в пригородах: видимо, это меньше раздражало власть. Но, с другой стороны, мало кто хотел селиться на окраинах городов, и к тому же, такие сквоты труднее было защищать от "наездов" полиции. Одно из течений сквоттеров - люди 30-40 лет, обычно с высшим образованием, стремилось договориться с властями на "взаимовыгодных условиях": вы нас легализуете, а мы обязуемся сделать ремонт здания, "довести" его до определённого стандарта. Но нужно иметь в виду, что это могло стоить 20-40 тысяч долларов на человека. Дёшево, конечно, по сравнению со стоимостью квартиры в Нью-Йорке, но у многих сквоттеров таких денег не было, если же они вкладывали в ремонт меньше, чем требовалось, у них возникали проблемы с вла-

относимся также, как они. Нас спросили: "А почему тогда вы не написали "Ёб Андропова"?" Я взяла баллончик с краской и с удовольствием написала на автобусе: "Ёб Андропова". Это украинцев удовлетворило, и они ушли. Некоторое время спустя Андропов умер, но надпись на автобусе осталась, никто не собирался её стирать, и нас часто обвиняли в некрофилии. Вообще, когда Рейган был президентом, мы его очень не любили. Мы даже собирались вместе смотреть по телевизору его выступления, и обычно все кончалось тем, что в телевизор летели разные предметы. По-видимому, такие действия укрепляли нашу политическую солидарность. Тогда же несколько наших уехали в Никарагуа, чтобы жить там и работать. Я решила ездить по стране.

Мы путешествовали, жили в анархо-коммунах, мы даже организовали музыкальный тур "Рок против расизма". Теперь у нас был "звуковой грузовик", без крыши и с мощными звуковыми колонками. Без проблем можно было устраивать мобильные концерты. Один из таких концертов (вероятно, самый крутой) состоялся в Вашингтоне. Дело в том, что как раз в это время начался моральный консервативный джихад. Тогдашний секретарь внутренних дел Джеймс Ватт решил, что музыкальная группа "Бич Бойс" - по-русски - "Пляжные мальчики" (вершина американской попсн) слишком декадентна, чтобы выступать на ежегодном концерте 4 июля. В результате на концерт собрали самых нудных певцов, каких только можно было себе представить. Но в это же самое время мы провели свой панк-концерт рядом с официальным. До сих пор я не понимаю, почему полиция, зная о наших музыкальных возможностях, разрешила нам это сделать. Может быть, им тоже не нравился официальный концерт? Кто знает. Во всяком случае, всё получилось классно, мы расположились на противоположном от официального концерта

крае гигантской площади и врубили технику на полную мощность. Значительная часть тусовки быстро перетекла к нам, люди слышали нечто необычное. У нас выступали такие замечательные группы, как "Dead Kennedys", "Millions of Dead Corps", и многие другие. Нужно сказать, что на моей памяти осталось великое множество конфликтов, связанных с противостоянием полиции и этот случай был скорее исключением из правил. Впрочем, он не был единственным. Похожая ситуация возникла, когда мы (т.е. группа нью-йоркских анархистов) проводили кампанию по выдворению из города бывшего президента Никсона.

Ричард Никсон был, вероятно, одной из наиболее ненавидимых фигур в Америке. Так что даже когда он ушёл на пенсию, мы не хотели оставлять его в покое, особенно из-за событий в Камбодже. В течение нескольких лет часть нашего хеловинского ритуала заключалась в том, что мы приезжали в полночь к дому Никсона в штате Нью-Джерси, чтобы кидать туда яйца. В первый раз, когда мы проделали эту операцию (мы при этом дико кричали), у Никсона чуть не случился инфаркт. Через год мы всё повторили, и опять неожиданно для него (он нас явно не ждал). Но потом он, видимо, понял, что речь идёт о ритуале и в покое мы его всё равно не оставим. Тогда Никсон решил, что ему больше не нравится Нью-Джерси, и что нужно перебраться в Нью-Йорк. Для нас, нью-йоркцев, это было уже слишком. Буржуи всегда жаловались на нелегальных иммигрантов из Гаити или Доминиканской республики, дескать они засоряют Нью-Йорк, но у нас было другое мнение на этот счёт. Мы-то понимали, что господин Никсон одним своим присутствием испортит наш прекрасный город. И мы решили действовать. В результате была проведена небольшая, но весьма эффектная компания протеста. Рассчитывали мы вот на что. Если кто-либо хочет приобрести квартиру в кооперативном доме (а именно в таком доме и собирался

поселиться наш друг), ему необходимо получить на это согласие всех жильцов дома на общем собрании. Обычно это пустая формальность: богатые любят богатых. Но бывают и исключения из правил, например, если речь идёт о какой-нибудь рок-звезде, известной своим скандальным поведением, общее собрание может ему (ей) и отказать. Нам удалось выяснить время, на которое назначено голосование, и мы заявили властям о своем намерении провести митинг протеста перед будущим жильём Никсона. Странно, но мы получили разрешение на проведение митинга не только в назначенный день и час, но и в любое время в течение месяца - что-то весьма необычное. Кажется, даже полиция не любила героя Уотергейта. В назначенный день мы пришли на пикет. Менты вели себя исключительно вежливо, рассказывали анекдоты про Никсона, а недовольным жильцам объясняли, что всё законно. Возле нас останавливались машины и водители громко ругали Никсона. Единственными людьми, не поддержавшими нашу акцию (вот он, яркий пример классовой реальности) оказались жители этого богатого района. Они злились, пытались вступить с нами в конфронтацию (один жлоб с бейсбольной битой пытался нас атаковать) и требовали, чтобы менты нас арестовали. "Не можем", - был ответ. В конце концов, пришли директора кооператива, и мы заявили им, что нам весело, что мы будем приходить сюда каждый день, и что ничего тут не поделаешь. В итоге господину Никсону пришлось остаться в Нью-Джерси, общее собрание ему отказало. Наверное, жителям дома не хотелось непрерывных скандалов.